

АМИНА ВОЛКОВА

Развод
с предателем.
Ты не получишь
деньги моего сына!

Амина Волкова

**Развод с предателем. Ты не
получишь деньги моего сына!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Развод с предателем. Ты не получишь деньги моего сына! /

А. Волкова — «Автор», 2026

Минус двадцать четыре. После трёх ночных смен я вернулась домой с маленьким сыном и застала мужа с любовницей.— Эта дура с ребёнком мне больше не нужна! Дмитрий выгнал нас в мороз и приказал охране не пускать обратно. Пока я спасала замерзающего Петю, муж готовил документы, чтобы объявить меня сумасшедшей и отобрать сына. Нас нашёл майор Игорь Соколов. Опасный, властный мужчина, которому Дмитрий заплатил за наше исчезновение. Но вскоре я узнала страшное: моего мальчика намеренно отравляют, а за охотой на нас стоят двести миллионов наследства. Кому верить, если даже спаситель скрывает свои настоящие мотивы? И успею ли я защитить сына?

© Волкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Амина Волкова

Развод с предателем. Ты не получишь деньги моего сына!

Глава 1

Минус двадцать четыре — цифры на табло у аптеки я запомнила, пока ждала автобус. В подъезде оказалось немногим теплее. Прижала Петю, подоткнула ему куртку под колени. Он спал у меня на плече, и переключать его было жалко: только-только перестал кашлять. Нам на пятый. Лифт опять стоял, на дверях желтела знакомая бумажка с телефоном мастера. Три ночные смены подряд; руки помнили вес капельниц лучше, чем вес собственного сына. Шептала ему про зайца и морковку, хотя слушала сказку одна. Два пролета. Дома сниму мокрые носки. Петю уложу первым, себе даже постель перестилать не буду.

Ключ повернулся не сразу: я забыла придержать дверь коленом. Все-таки открыла. Уложу Петю, отключу телефон — два часа сна, больше ничего не надо. В спальне горел свет. Оттуда разговаривали. Я замерла в прихожей, чтобы разобрать слова: Дима кого-то приглашал? Он мне не говорил. Может, я прослушала звонок на смене.

Дмитрий стоял ко мне спиной. Лариса была рядом, почти касалась его рукава. Я узнала ее по гарнизонному стенду: аккуратная светлая челка, подпись под фотографией про офицерские семьи. Сейчас эта образцовая женщина стряхивала пепел прямо на наш пол. — Она удобная ширма, — сказал Дмитрий. Я даже рот открыла: кто, я? — Генерал уважает семейных. Получу полковника — и все, эта дура с ребёнком мне не нужна. Развод оформим тихо. А если заартачится... ты знаешь процедуры.

Пять лет. Я считала их почему-то по Петиной обуви: пинетки, первые сандалии, ботинки, которые Дима велел брать на вырост. «Эта дура с ребенком». Стояла и слушала, боясь пошевелиться. Сигарета хрустнула у Ларисы в пальцах; я посмотрела на пепел под ее ногами и подумала, что после смены собиралась мыть этот пол. Зачем я вообще об этом думала?

Петя завозился у меня на плече. Поднял голову, потерся носом о ворот и увидел отца. Я еще не успела отвернуться. — Папа обещал мне новую игрушку, — сказал он сонно. Как напомнил бы мне про сок в сумке.

Дмитрий обернулся, и я невольно улыбнулась ему. Такая привычная, дурацкая попытка: объясни, что я не так поняла. Он нахмурился, увидев Петю. — Убери его. Он мешает разговору, — бросил он сквозь зубы. Лариса усмехнулась, выпуская кольцо дыма прямо в лицо ребенку: — Твой наследник? Или твоя обуза, Дима?

Отвернула Петю от дыма, прикрыла ему нос ладонью. На своей куртке пахло госпиталем и потом; переодеться я не успела. Он тяжело вздохнул мне в шею. Я зажала зубами край губы, чтобы не закричать при нем. — Дима, ты чего... — выговорила наконец. Дальше голос пропал.

Он не дал договорить. Поднял телефон, набрал номер, не отрывая взгляда от меня. — Заберёшь её. В безопасное место. Чтобы не шумела. И мальчика тоже. Не хочу проблем с опекой потом.

«Безопасное место». Я знала этот термин. Однажды я слышала, как Дмитрий произнес это по телефону, а потом сжег чужие документы. Тогда я не спросила, о ком он говорил. Сейчас спрашивать было поздно. Страх парализовал ноги, но руки схватили сумку с документами. Там были паспорта. Наша жизнь.

За спиной затопали. Охранник уже был в прихожей, а я стояла с сыном и сумкой, как будто пришла в гости и меня не хотят пускать. Он потянулся ко мне. Толкнула его под локоть,

отвернув Петю, и побежала в кухню. Нога поехала на мокром полу. Ударилась коленями, удержала сына — он только вскрикнул — и ухватилась за ручку. Кухонная дверь выходила на общую лестницу: во время ремонта мы носили через нее мешки. Сейчас бы она открылась. Только бы открылась.

Захлопнула дверь и навалилась на нее спиной. С другой стороны толкнули, потом перестали. Он звонил? Ждал приказа? Неважно. Я оторвалась от двери и пошла вниз, удерживая Петину голову.

Через двор побежала к КПП. Снег забивался в глаза, я ничего толком не видела, кроме освещенного окошка. Дежурный смотрел на нас и не открывал. Я поднесла Петю ближе, чтобы он увидел ребенка. — Помогите! Позвоните генералу! — кричала я, стуча кулаками в бронестекло.

Он взял трубку, даже не спросив, что случилось. Я ждала, пока он наберет номер. — Капитан звонил. Сказал, жена в истерике, наркоманка. Тебя нельзя пускать обратно. Уходи, пока не застрелили за нарушение периметра.

Вчера этот дежурный кивал мне, когда я несла сыну пакет мандаринов. Теперь он отвернулся к телефону. Я еще стояла у стекла, прижав Петю к груди, а он уже разговаривал с кем-то другим.

За калиткой было поле. Ни окна, ни фонаря, за которым можно спрятаться. Я сунула руку в карман проверить телефон и нащупала термометр, квартирный ключ. Возвращаться с этим ключом уже некуда. Фары ударили мне в лицо. Патруль. Если заберут нас в машину, куда повезут? Я отвернулась от света, прижав Петю к себе.

У госпиталя был другой въезд. Я свернула за ограду, чтобы нас не видели из патрульной машины. Снег таял за воротником; пока шла, Петя почти не двигался. Прижала его щеку к своей. Слишком холодная. Спит? Или уже нет? Попробовала повернуть его лицо к свету над дверью, но ресницы слиплись, глаз он не открыл.

— Пропустите! Била свободной рукой по двери. Сначала ладонью, потом кулаком: ладонь больно прилипала к металлу. — Ребенок! Ему плохо! Вы слышите?!

За стеклом прошел человек. Я подняла руку выше, замахала. Он подошел — знакомый охранник. Вчера открывал нам машину Дмитрия, еще подержал Петину сумку. Узнал меня и отвел глаза. Не стал спрашивать, почему мы здесь, только что-то проверил на телефоне.

Он отпер дверь, но оставил цепочку. В узкую щель высунулась дубинка.

— Приказ капитана, Анна Сергеевна, — сказал он. Из двери потянуло теплым воздухом. Я чуть не просунула в щель Петину руку: потрогай, какой холодный. — Никаких посторонних после комендантского часа. И никаких «детей». Вы ушли добровольно. Так написано в рапорте.

— Какой рапорт?! Дмитрий... Сказать «муж» не смогла. Он уже успел объявить, что я ушла сама. Мы еще стояли у двери, а на бумаге нас уже отпустили без помощи. — Откройте. Я здесь работаю. Вы меня знаете.

Вцепилась в край двери и потянула. Цепочка натянулась; я могла бы протиснуться, если бы он снял ее. Вместо этого охранник толкнул дверь и ударил меня дубинкой.

Удар пришелся в плечо. Петя качнулся, и я села в снег, обеими руками прижимая его к себе. В рот набился снег; выплюнула его, попробовала вдохнуть. Плечо не слушалось. Зато сын был у меня на руках, не под ногами у охранника. Я повторяла это про себя, пока снова пыталась встать.

Нужно встать. Тут нам уже не откроют.

Но прежде чем я смогла опереться на локоть, над головой раздался гул мотора. Свет фар ослепил меня, пробиваясь сквозь слезы и снег. Машина медленно подъехала ближе, блокируя выход из тени здания.

Из внедорожника вышел водитель Ларисы. На банкете после повышения Дмитрия я видела, как он держал ее сумочку. Сейчас на нем были шуба и шарф, до коленей в снег он

не лез. Остановился возле машины, где было вытоптано, и смотрел, как я поднимаюсь. Петю даже не спросил по имени.

— Капитан сказал, вы ушли добровольно, — повторил он те же слова, что и охранник, но с другой интонацией. Здесь не было приказа. Здесь было отвращение. — Не позорьте его имя, Анна. Уходите в лес. Пока никто не видит.

Он сделал шаг назад, собираясь сесть в машину. Он даже не наклонился к Пете. Поправил шарф, отряхнул рукав, хотя на нем не было снега, и потянулся к дверце теплой машины.

У госпиталя оставаться нельзя. Охранник мог выйти снова, машина перекрывала дорогу к воротам. В лесу были старые снаряды после учений — я знала это по госпитальным разговорам. И все-таки смотрела на деревья. Там не было людей, которые уже решили, что мы «ушли добровольно». Там хотя бы можно было спрятать Петю от фар.

Я поднялась. Голова кружилась, мир плыл перед глазами. Петя тихо всхлипнул во сне, его тело стало тяжелее, вялым. Гипотермия. Она уже начинала работу.

Глава 2

Повернулась к лесу. — Туда нельзя! Мины! — крикнул водитель. Сам же велел уходить. Я продолжала идти. От фар снег был белый, слишком заметный; между соснами нас хотя бы не увидят сразу. Мотор сзади завелся, когда я добралась до первых деревьев.

За деревьями звук мотора стал тише. Снег скрипел при каждом шаге, и мне казалось, что нас слышно до самых ворот. Плечо дергало, Петя сползал ниже. Пыталась подтянуть его, не выронив сумку, и долго не могла нащупать конец шарфа. Пальцы сгибались плохо. До леса я еще рассчитывала что-нибудь придумать; теперь думала только о следующем шаге.

Петя начал дрожать. Мелкая, частая дрожь, которая передавалась мне через ткань куртки. Его губы посинели.

— Мам... холодно... Я услышала не сразу и наклонилась к нему, чтобы он повторил.

Зацепила край шарфа зубами, стянула его с шеи и завернула Петю поверх воротника. На секунду пожалела собственную шею — и тут же стало стыдно: он даже попросить громко уже не мог. Узел не затягивался, поэтому я заправила конец под его куртку. «Мам, холодно». Я все еще слышала эти два слова.

Впереди послышался лай. Сначала далекое эхо, потом более отчетливое, резкое. Собаки. Нас ищут. Идут по следу, который мы оставили в снегу.

Тропинка вела между редкими деревьями, на ней нас было видно. Собаки шли именно туда. В стороне торчали низкие ветки. Пройти с Петей трудно, зато их придется раздвигать тому, кто пойдет за нами.

Свернула под ветки. Они цепляли капюшон и Петины сапожки.

Под снегом оказались корни. Я перешагивала через них боком, подтягивала сына повыше. Рот не закрывался, в горле пересохло. Хотелось остановиться, чтобы хотя бы сглотнуть, но лай стал громче.

Из-за дерева выскочила черная собака. Близко — я разглядела зубы и снег на морде. Она припала передними лапами. Я повернула Петю от нее и прижала к себе, подняв локоть к лицу.

Зажмурилась. Только бы не схватила сына. Пусть меня.

Щелчок. Сухой, короткий звук затвора.

И свист. Резкий, пронзительный.

Пес затормозил перед прыжком, заскулил и отступил, поджав хвост. Тишина обрушилась внезапно, оглушая. Я открыла глаза. Никого не было видно. Только темные силуэты сосен. Но я чувствовала взгляд. Тяжелый, оценивающий, спокойный. Кто-то наблюдал за мной с высоты или с холма. Я прижала Петю крепче и всмотрелась в темноту. Кто-то остановил собаку. Почему он не выходил к нам? Чего ждал?

Я не стала ждать ответа. Инстинкт кричал: «Беги!». Но ноги уже не слушались. Сознание плыло, краски мира смазывались в серо-синюю кашу. Я споткнулась о корень и упала лицом в глубокий сугроб.

Лежала в сугробе и уже не понимала, где снег, а где мое лицо. Петя дышал возле уха. Я прислушивалась к каждому вдоху; между ними успевала испугаться, что следующего не будет. Нужно было поднять голову, но она казалась тяжелее всего остального тела. Только сына я не отпускала.

Ещё десять минут, — подумала я ясно и спокойно, словно наблюдая за собой со стороны. И ты потеряешь его навсегда.

Я попыталась встать. Руки скользили по мерзлому дереву. Тело отказывалось подчиняться. Хотелось закрыть глаза. Нельзя.

Внезапно тень накрыла меня. Рядом, буквально в метре, появилась фигура в камуфляже. Человек молча, без лишних движений, схватил меня за воротник куртки и поднял на ноги. Я едва удержала Петю.

Из-под маски были видны глаза. Он смотрел на меня, потом на Петю. Я ждала, что спросит, как долго мы в лесу, что с ребенком. Он ничего не спрашивал. От этого становилось страшнее: приходилось гадать, за кого он нас принял, и не было сил подобрать правильный ответ.

— Иди за мной, — произнес он низким, хриплым голосом. Звук был глухим, будто исходил из-под земли. — Если упадешь снова — я тебя не понесу.

Мне хотелось потребовать, чтобы он взял Петю. Но он уже шел, и я испугалась отстать. Над снегом осталось темное пятно его куртки — за него я держалась глазами.

Я поплелась за ним. Ноги волочились по снегу, оставляя борозды. Мы шли долго. Время потеряло значение. Наконец, деревья расступились, и мы вышли к берегу моря.

До воды мы дошли, когда я почти перестала различать деревья. Шумели волны. Возле обрыва был домик с пленкой на окнах. Низкая, просевшая крыша — но крыша. Я смотрела только на дверь.

Человек подошел к двери и открыл её. Внутри было темно. Пахло старыми досками, керосином и чем-то еще... опасным. На столе горела одна керосиновая лампа, освещающая грубые контуры комнаты. На столе лежала карта гарнизона и большой охотничий нож.

Я вошла внутрь, надеясь найти хотя бы угол для Пети. Но человек не последовал за мной. Он остался на пороге, медленно прикрыв дверь за своей спиной.

Он повернул ключ. Я услышала, как сдвинулся язычок замка.

Я обернулась, сердце колотилось где-то в горле.

— Почему? — спросила я, и голос дрогнул. — Зачем ты привел меня сюда?

Человек снял маску. Лицо было жестким, со шрамом через бровь. Игорь. Майор береговой охраны. Я видела его раньше, мельком, на сборах. Молчаливый хищник, которого боялись даже офицеры.

Он смотрел на меня так, будто видел не женщину, а проблему, которую нужно решить.

— Твой муж заплатил мне три тысячи долларов, — произнес он буднично, глядя мимо меня, на потрескавшуюся стену. — Чтобы я привел сюда «потеряшку» и доложил о её местоположении. Он хотел, чтобы ты исчезла чисто. Без следов.

Три тысячи. За меня и Петю. Я смотрела на стол с лампой и не могла решить, куда встать, чтобы этот человек не схватил сына первым. Дмитрий добрался сюда раньше нас — деньгами. Даже до этого дома, который я увидела из леса и чуть не заплакала от надежды.

— Но ты слишком живая для могилы, — продолжил Игорь, переведя взгляд на меня. В его глазах плясали отсветы лампы, делая их золотыми и страшными. — Так что решай сама, Анна. Ты моя пленница или мой гость?

Он не отпускал ручку двери. Свет лампы падал ему снизу на подбородок. Я пыталась разглядеть выражение лица и никак не могла понять, шутит он или нет. В тишине дома был слышен только хриплый звук дыхания Пети, который медленно затихал, и скрежет металла замка, который Игорь медленно проворачивал, оставляя выбор открытым, но ловушку захлопнутой.

Глава 3

Из рыбацкой сторожки пришлось выйти: Игорь услышал мотор на береговой дороге и велел идти к другому укрытию. Опять мороз, опять снег в лицо. Говорил, здесь минус двадцать пять, но я уже не различала градусы. Петя лежал на руках так тяжело, как спящий он никогда не лежал. Поддерживала затылок, чтобы голова не заваливалась. Синие губы были приоткрыты. Прижалась к ним щекой и поймала слабый выдох. Есть. Еще есть. Только ради этого я и шла.

Остановилась, поправить Петю. Думала — на секунду, но поднять ногу снова не смогла. Чем дольше стояла, тем меньше хотелось двигаться. А можно ведь уйти одной. Мысль появилась так спокойно, что я испугалась не сразу. Потом вспомнила Дмитриево «эта дура с ребенком». Даже сейчас, здесь, в лесу я продолжала слышать его.

«Оставь его. Он все равно мертв. Спасай себя. Ты еще молода, ты можешь дойти до трассы. С ребенком ты никогда не выберешься».

Я могла дойти до трассы одна. Мысль была ясная и страшно будничная, как расчет дозы: одна дойду, с ним — нет. Смотрела на Петины веки и ненавидела себя. Даже думать об этом нельзя. Он дышал, я слышала. Что значит «оставь»? Кого оставить? Моего сына в снегу?

— Мама... — прошептал Петя во сне. Слово было едва слышным, почти растворилось в вое ветра, но оно ударило меня в солнечное сплетение сильнее, чем любой кулак.

От слова «мама» я подняла голову. Он зовет меня. А я стою и считаю, как дойти без него. Нет. Пока зовет, пойду вместе с ним. Я прикусила губу до крови. С Петей на руках даже остановиться было трудно; боль помогла сделать еще шаг. Потом еще один. Игорь шел впереди, и я следила за темным пятном его спины.

Пыталась отличить нашу тропу от любой другой. У сосен одинаковые темные стволы, на снегу почти не видно краев. Впереди хрустнула ветка. Я услышала не только хруст: следом был шаг, пауза и еще шаг. Это шел человек. Игорь на секунду пропал из виду, и я прижалась к поваленной ели.

За поваленной елью прикрыла Петино лицо воротом. Между деревьями шли двое в камуфляже. У обоих оружие. Они глядели под ноги, остановились возле следа, потом один показал второму вперед. Я пригнулась ниже. Под нашими ногами снег тоже был примят.

Потянуло сигаретой. «Прима», такую Дмитрий брал, когда нервничал, хотя в обычные дни смеялся над дешевым табаком. Я повернула голову на запах и сразу пожалела: их лица были уже видны между ветками. Запах вернул мне кухню, телефон в руке Дмитрия и его «безопасное место». Эти двое читали наши следы. Случайными прохожими я их считать не могла.

Петя дернулся в шарфе. Я посмотрела на его рот: он пытался вдохнуть. Сейчас начнет кашлять — нас услышат. В стороне от этих людей был Игорь, но я не видела его. Нужно позвать. Ребенок не мог ждать, пока я решу, кому здесь верить.

И тогда Игорь вышел к ним из-за ближайшего дерева.

Темный комбинезон я узнала. Он снова натянул балаклаву. Автомат был у бедра, ладонь на пистолете. Я так следила за двумя чужими, что потеряла его из виду. Он шел к ним, не ко мне. Я придержала Петин затылок и попыталась поймать его взгляд.

Охранники Дмитрия заметили его. Один из них поднял руку, давая сигнал остальным остановиться. Между ними возникла пауза, натянутая, как тетива лука.

Если начнут стрелять, я даже не успею лечь с Петей.

Не думая, я сделала шаг вперед. Прямо из-за укрытия, на открытое пространство снега.

— Стой! — крикнул один из охранников, вскидывая автомат.

Игорь не шелохнулся. Его взгляд скользнул ко мне. Холодный, как этот лес. Он не спрашивал «кто вы?». Он поднял оружие, и на миг мне показалось, что ствол направлен прямо мне в грудь. Дуло выглядело огромным, черным зрачком смерти.

За тканью маски я не видела его рта. Он смотрел мимо меня, но отвести взгляд от ствола я не могла.

Просить его я уже пробовала. Теперь ствол был возле моего лица. Сделала вдох, прежде чем заговорить: если начну плакать, не разберет ни слова. Мне нужно было сказать про Петю так, чтобы он не смог отмахнуться.

Я сделала еще шаг навстречу дулу, прижимая к себе Петино тельце так крепко, что почувствовала сквозь куртку каждое ребрышко. Я посмотрела прямо в эти ледяные глаза.

— Он умирает, — сказала я. Голос звучал хрипло, но четко. — Если ты сейчас отдашь нас им, я закричу. Здесь недалеко дорога — услышат. А если они придут, ты потеряешь элемент внезапности. И, возможно, жизнь.

Это был блеф. Полный, абсолютный блеф отчаяния. Я знала его имя и должность. Чью сторону он выбрал, я все еще не понимала. Но я видела, как дернулась его челюсть под тканью маски.

Он не выстрелил.

Мужчина медленно опустил оружие. Шагнул ближе. Его сапоги хрустели по снегу, заглушая звуки приближающихся охранников, которые теперь нервно переминались с ноги на ногу, ожидая приказа своего нового лидера или врага.

Майор Игорь. Я узнала его еще в сторожке, но здесь, среди вооруженных людей, его имя само по себе ничего не обещало.

Он подошел вплотную. От него пахло порохом, мокрой шерстью и дешевым кофе. Он протянул руку к Пете. Грубая, мозолистая ладонь легла на шею мальчика, проверяя пульс. Пальцы были теплыми, сухими. Контраст с ледяной кожей Пети резал глаз.

Игорь посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на удивление.

— Повтори им, кто твой муж, — потребовал он.

— Дмитрий Волков, — выдохнула я. — Капитан разведки.

При имени Дмитрия он прищурился. Я не знала, что связывает их, кроме трех тысяч долларов, о которых слышала в сторожке. Мог отвести нас обратно. Мог приказать тем двоим забрать ребенка. Я смотрела на его пальцы у Петиной шеи: он проверял пульс дольше, чем нужно для равнодушного взгляда. Оставалось ждать, что он скажет.

Но он смотрел на синие губы мальчика. На мои окровавленные руки. На то, как я держу ребенка, словно щит против всего мира.

Тишина длилась вечность. Охранники за спиной Игоря уже поднимали оружие, готовые стрелять.

— На дорогу, — сказал Игорь. Два слова. Громкие, властные.

Охранники опешили.

— Майор?.. — начал один из них.

— Я сказал, на дорогу! — рыкнул Игорь, не оборачиваясь. Его тон не допускал возражений. Это был голос человека, привыкшего командовать жизнью и смертью.

Он повернулся ко мне.

— Иди за мной. Если сможешь.

Он повернул к низине. Там под снегом темнела вода; обходить мы не стали. Мне хотелось спросить, нельзя ли идти по твердому, но Петя снова задышал редко, и я поспешила за Игорем. До теплого дома оставалось неизвестно сколько. Любой обход мог отнять у нас эти минуты.

Я двинулась следом. Ноги гудели от боли. Каждый шаг отдавался в пояснице. Петя стал тяжелее, он терял сознание окончательно, его голова безвольно свесилась набок.

На середине пути моя нога провалилась под лед. Холодная вода мгновенно обожгла кожу выше колена. Я вскрикнула, падая на четвереньки. Грязь, смешанная со льдом, забила в рот. Я попыталась встать, но тело отказывало.

Игорь остановился. Посмотрел назад. Не помог. Не протянул руку. Просто ждал.

— Вставай, — тихо сказал он. — Там, где ты сейчас лежишь, тебя найдут те, кто идет следом.

Я вцепилась ногтями в корягу, торчащую из сугроба, и рванула себя вверх. Боль в ноге была адской, но страх перед тем, что останется там, в воде, был сильнее. Прижимая Петю к груди, я выбралась из воды. Мокрая штанина тянула вниз; колено саднило там, где я разбила его на кухне.

Когда мы добрались до края низины, где начинался твердый грунт, Игорь снял с пояса флягу. Бросил ее мне.

— Для твоего колена, — коротко сказал он.

Я поймала флягу, чувствуя тяжесть металла. Открутила крышку. Запах спирта ударил в нос.

— Не пей, — добавил он, заметив, как я поднесла флягу к губам. — Не для мальчика. Дойдем — снимем мокрое и согреем его.

Я сунула флягу в карман: сейчас я не могла отпустить сына даже ради собственного колена. Его холодные пальцы лежали у меня на груди. Прикрыла их сухим концом шарфа.

Игорь присел рядом. Он взял мою руку, остановив хаотичные движения.

— Нет. Так. Вот так.

Он помог перехватить Петю, чтобы голова не свешивалась, проверил дыхание. Я ждала, что теперь возьмет его сам, но он только показал, где поддержать затылок. Пришлось встать. Я еще могла нести сына.

Петя еще дышал. Я пошла быстрее.

Мы шли дальше. Домик показался среди голых деревьев у самой воды. Маленький, изолированный, с заколоченными ставнями. Пахнул он так же, как и Игорь: порохов, сушеными травами и мужским потом.

Игорь толкнул дверь плечом. Внутри было темно, но тепло. Настоящее, живое тепло печки, которая тлела в углу.

Села на пол у печки и опустила Петю на сложенное одеяло. Прижалась к его щеке. Холодная, но он дышал. Игорь закрыл дверь за нами, я вздрогнула и подняла голову: сейчас скажет, что нельзя садиться, что одеяло не для нас. Он только проверял засов.

Засов встал на место. Я заставила себя отвернуться от двери к Пете.

Он снял куртку, бросил ее мне на плечи. Она была тяжелой, пахла табаком и морем.

— Дмитрий считает тебя буфером, — сказал он, проходя мимо меня к столу, заваленному картами и оружием. — А я вижу, что ты щит. И щиты ломаются последними.

У стола он повернулся ко мне спиной. Я смотрела на него и пыталась понять, сколько стоит его помощь и когда он предъявит счет. Три тысячи он уже взял у Дмитрия. Что теперь захочет у меня? Я могла предложить работу, могла молчать — все, что угодно, лишь бы Петю не вынесли обратно на мороз.

Мне все еще было страшно. Только теперь между нами и дверью стоял человек с оружием, и оружие пока не было направлено на меня. Я смотрела, как он передвигает бумаги на столе, и впервые смогла подумать дальше следующего вдоха: сыну нужно сухое белье. Потом вода. Потом помощь.

Игорь достал телефон. Положил его на стол экраном вверх. На экране мигнуло сообщение от неизвестного номера:

«Жива?»

Я открыла рот, чтобы спросить, откуда он знает мое имя, кто этот человек, Дмитрий ли это вышел на связь с этим домом. Но слова застряли в горле.

Свет в комнате резко погас.

Только темнота. Только тишина. И хриплое, прерывистое дыхание Пети, которое было единственным звуком, разделяющим нас с внешним миром.

Глава 4

Сухое бельё Игорь принес сразу, как мы сняли мокрое. Я переодела Петю, положила на кровать. Позже он стал горячим. Проверила термометр: тридцать девять и пять. Перемерила — столько же. Сын дергался, закатывал глаза. Это уже не сон после дороги. Я говорила с ним, а он отвечал кому-то другому.

— Папа... папа придёт... — шептал он, цепляясь за мою шею пальцами, впивающимися в кожу до синяков. — Он сказал, мы уедем... он обещал...

Петя дергался, когда я готовила укол. Пришлось отложить ампулу и успокоить его, иначе не удержать. У меня дрожали пальцы. В госпитале я ругалась на коллегу за такую дрожь: отойди, дай сделать. Сейчас отходить было некому. Только я знала, что нужно сыну, и должна была остановить собственные слезы.

Игорь стоял в дверях кухни и смотрел. Мне нужна была вторая пара рук, а он ждал, пока я попрошу. Или пока сама справлюсь — я не знала. Лампа горела за его плечом; у кровати было темно. Петя выгибался у меня на руках, и я чуть не выронила ампулу. — Отойди от света, — сказала я. — Мне не видно.

Вытерла щеки рукавом. Сын дернулся еще раз, и плакать стало некогда. В госпитале я не спрашивала, готова ли к следующему больному. Брала то, что требовалось, и работала. Сейчас больным был Петя. Поэтому нужно было особенно тщательно сделать все знакомые движения.

— Дай мне стерильные салфетки и спирт, — мой голос прозвучал чужим, металлическим и ровным. Я не смотрела на него. Я смотрела на место укола. — Помоги удержать его спокойно. Не сжимай. Я скажу, когда можно отпустить.

Игорь взял салфетки из набора на столешнице. Я сама собрала его, пока сын дремал: ничего искать сейчас не придется. Майор подошел, помог придержать Петю. Рукав футболки поднялся выше, я увидела свежие ссадины. Только что царапали, еще и корки нет. — Так держать? — спросил он. Кивнула, следя за сыном. От Игоря пахло хлоргексидином. И порошком — теперь я узнала этот запах. Очень хотелось спросить, что он делал перед тем, как нашел нас. После укола спрошу. Сейчас главное — не дернуться вместе с Петей.

Петя вскрикнул от укола. Я придержала ватку, посмотрела на Игоря: можно отпустить. Сын перестал вырываться, прижался к одеялу. От него еще шел жар, но я хотя бы сделала то, ради чего пыталась собрать себя последние минуты.

— Двадцать минут, и температура упадет, — сказала я, отводя взгляд от его рук. Он нам помог. Сейчас я могла думать только об этом.

До конца ночи слушала его дыхание. Засыпала на несколько минут и вскакивала, проверить лоб. Когда Петя уснул спокойнее, вышла на крыльцо. Нужно было хотя бы умыть лицо снегом. Дорожку к дому уже замело; теперь даже наши следы выглядели так, будто нас здесь не было.

Игорь курил возле двери. Подошла и стала сбоку, чтобы дым не летел на меня. Он так и смотрел во двор, но сигарету отвел в сторону.

— Сколько ты знаешь о том, кто такие «охотники» Дмитрия? — спросил он тихо. Я еще не успела придумать, как спросить его сама.

Я посмотрела на свои руки. На них остались мелкие царапины от ногтей Пети. — Только то, что видела своими глазами, — ответила я честно. — Что они пришли за нами. Что Дмитрий приказал увести нас в безопасное место, которое оказалось лесом. Больше ничего. Ни имён, ни планов. Я не знала о его связи с Ларисой, пока не услышала их разговор. О фонде моего отца я слышала только обрывки. До этой ночи я вообще не верила, что Дима способен нас убить. Пять лет верила ему.

Игорь затаился. Дым вырвался из его ноздрей, смешиваясь с паром дыхания. — Твой отец владел фондом, Анна. Не заначкой на книжке, фондом. Дмитрию нужен доступ к этим деньгам. Пока мать Пети ты и распоряжаешься ты, он его не получит. Значит, будет добиваться, чтобы тебя отстранили. Или чтобы тебя не стало. Игорь докурил, растер окурки о край крыльца. — Он называет тебя буфером. Между собой и теми, кто может проверить документы.

Он повернулся ко мне. Я приготовилась слушать, где безопаснее работать и как вывезти сына. — Здесь тебя пока не отдадут ему, — сказал он. — Я это обещаю. Но без меня за ворота не выходи. Мне хотелось услышать другое обещание: что Петя больше не будет мерзнуть. Я отвернулась к двери.

Утром на кухне пришлось сначала протереть стол. В шкафу была пачка хлопьев, банка тушенки и сухари. Плита зажигалась плохо, чайник я сполоснула от накипи. Но воду нагреть получилось. Можно было сделать Пете завтрак.

Взяла алюминиевую кружку и поймала себя на том, что мне стыдно ее ставить на стол. В квартире был итальянский сервиз — сейчас я охотно отдала бы его за молоко. Ничего. Выбрала тарелку, вымыла, положила кашу. В дальнем углу шкафа нашлись консервированные ягоды. Подстелила грубую льняную салфетку, чтобы тарелка не ехала по столу. Петя всегда выбирал красные ягоды первым. Я оставила три на краю тарелки, поближе к нему. Здесь была чужая посуда и чужая кухня, но это о нем я еще помнила.

Когда я принесла кашу в комнату, Петя уже сидел, потирая заспанные глаза. — Мама, вкусно? — спросил он. — Очень, — улыбнулась я. И впервые за двое суток эта улыбка не была натянутой маской.

В дверь постучали. Три коротких удара, затем пауза, затем два длинных. Игорь открыл сам. Вошли двое мужчин в камуфляже. Один протянул папку. — Документы готовы. Пропуск на базу береговой охраны. Гражданский персонал, категория «медсестра». В открытом списке сотрудников вы будете под «К.». Полные данные остаются у кадровика.

Пропуск лежал на столе, и я никак не могла заставить себя взять ручку. Работать на военной базе. Опять проходная, чужие распоряжения, люди, знакомые с Дмитрием. Но жить на чужой еде тоже нельзя: сегодня хватило каши, завтра Петя попросит молока. Игорь смотрел на неподписанную строчку. Я потянула бумагу к себе.

— Подписывайте, — сказал Игорь, глядя поверх голов охранников прямо на меня. В его голосе не было просьбы. Было приказание.

На ручке засохли чернила; первую букву пришлось обвести. «Анна К.». В списках — буква вместо фамилии, в кадрах — полные данные. Слишком маленькая разница, чтобы не узнать меня в коридоре. Подписала и отдала лист. Можно бояться сколько угодно, но на смену все равно надо будет выйти.

После ухода охранников я осталась одна в прихожей. Нужно было переодеться. Игорь дал мне форму сиделки: серая халатная ткань, жесткие брюки, резиновые сапоги. Я залезла в куртку, которую носила ночью, чтобы найти карман для ключей, и мои пальцы наткнулись на что-то бумажное.

Записка. Почерк неровный, торопливый, наспех нацарапанный карандашом: «Они ищут тебя. Не выходи одна. Доверяй только тому, кто стреляет первым.»

Почерк я не узнала. Подписи тоже не было. От бумаги пахло сигаретами Игоря. Если писал он, почему не сказал вслух?

Печка потрескивала. Записка лежала у меня на ладони, а Игорь был в другой комнате. «Не выходи одна». Вчера я сама просила о помощи; сегодня помощь уже указывала, когда мне выходить из двери. Только бы снова не привыкнуть спрашивать разрешения на все подряд. Пете это уже однажды едва не стоило жизни.

Слова я запомнила. Саму записку бросила в печку. Угол загнулся, потом бумага вспыхнула. Я стояла, пока не перестали различаться буквы: носить с собой такое предупреждение не хотела.

Я буду работать. А он пусть выполнит обещание.

У зеркала поправила ворот серого халата. Узел волос тянул кожу у висков; ослабила его немного. Лицо было бледное, как после самой тяжелой смены. Знакомое лицо. Я еще могла с ним работать, держать иглу, говорить с больными. Пока это получалось, Дмитрий меня не списал.

За окном ничего не было видно, снег забил стекло. Я сначала решила, что гудит в трубе. Потом звук стал ближе, отчетливее. Вертолет. Посмотрела на Игоря: он тоже услышал.

Игорь вышел из комнаты, услышав шум. Он посмотрел на окно, потом на меня. Его челюсть сжалась. — Надень шапку, — бросил он резко. — Мы уходим. Сейчас.

Глава 5

Вертолет оказался своим: Игорь отвел нас к берегу, дождался посадки и вернул домой после проверки. Ночью Петя закричал. Я уже сидела возле него, когда поняла, что он проснулся. Обняла, потрогала лоб — горячий. Он цеплялся за рубашку так, что нельзя было отодвинуться и взять термометр.

— Мама... там... там стоит... — прошептал он, тыча пальцем в темноту за окном спальни.

Посмотрела в окно. Яблоня. Ветки раскачивались и задевали стекло, а Петя видел в них человека. Я показала ему ствол, проследила пальцем по ветке. Нужно было говорить спокойно. После той ночи я и сама могла принять дерево за охранника, особенно если слышала стук.

— Это ветки, солнышко. Видишь, они к дереву идут. Гладила его по спине, пока он не перестал цепляться за рубашку. Можно было наконец поправить пижаму, прикрыть вылезшую из-под одеяла ногу. — Смотри, снег идет. Он засыпает все следы. Никто не сможет найти нас.

Петя уснул, а я так и сидела на краю кровати. Ветки снова стукнули по стеклу. Хотелось поверить собственным словам про снег, который заметет следы, но я видела колею во дворе. Машина найдет дом и без следов. Слушала сына и старалась различить за стеной любой звук, который не принадлежал ветру.

На кухне Игорь варил кофе. Футболка, голые руки — я еще мерзла даже в халате. Он не обернулся. Подошла к столу, надеясь, что не начнет спрашивать, как мы спали. По мне было видно, как.

Он снял кофе с плиты и все-таки спросил: — Что ты услышала ночью?

Держалась за спинку стула, чтобы он не заметил, как дрожат пальцы. Рассказать про окно? Что рассказывать — старую яблоню? Мне страшно было произнести это вслух: тогда я выдержала лес, а теперь меня пугают ветки. Он ждал ответа, и я выбрала самый короткий.

— Просто ветер, — выдавила я, опуская взгляд на свои руки. — Деревянные рамы старые, они скрипят.

Поставил кружку передо мной. Я вздрогнула от стука и рассердилась на себя: даже кофе нельзя получить спокойно. Игорь посмотрел на мое лицо. Он задержал взгляд на моих пальцах, вцепившихся в стул. Я ждала нового вопроса. Вместо этого он придвинул кружку ближе, развернув ручку ко мне.

— Пей, — коротко бросил он и вышел во двор.

Кружку пришлось поставить на стол — ладони жгло. Я не допила. Сидеть и слушать дом больше не могла; в корзине лежали простыни, которые надо было развесить. Проветрятся на морозе, досушу потом в комнате. Это было обычное дело, и меня почти злило, как сильно мне сейчас требовалось обычное дело.

С корзиной вышла на крыльцо. На веревке еще висели прищепки; пальцы сразу озябли, пока я их разжимала. Первая простыня повисла косо. Поправила, развернула вторую. Ветер хлопал мокрой тканью мне по рукам, и я старалась закончить быстрее.

И тут я услышала это.

Мотор. Со стороны дороги к базе, там, где между деревьями оставался просвет. Обычная машина могла бы проехать быстро. Эта сбавила ход, и звук не уходил. Я придержала простыню, чтобы она не хлопала.

Простыня выскользнула и легла в снег. Я не подняла ее. За деревьями мелькнули фары, черный бок внедорожника. Далеко, около полумили от забора, но повернуть он мог сюда. Я стояла с прищепкой в руке и смотрела, не загорятся ли вторые фары за ним.

Внедорожник остановился и выключил фары. Если это люди Дмитрия, они уже видели, что в доме кто-то есть. Я не могла разобрать лица через деревья.

Отступила к двери, стараясь не делать резких движений. Если наблюдают — пусть думают, что замерзла. Вошла и задвинула засов. Мотор стал тише. Постояла у двери: если поедет во двор, я услышу раньше, чем увижу машину.

На смене перепроверяла даже обычные перевязки. Шаги за дверью — и снова нужно найти место, на котором остановилась в назначении. Коллегам старалась в глаза не смотреть: вдруг знают, кто ездил возле дома. К обеду шея болела, как после целой ночи на неудобной подушке.

В обеденный перерыв я зашла в кладовую, чтобы переодеть форму. Дверь тихо скрипнула. Я вздрогнула, обернувшись. За мной стояла Катя, моя единственная подруга еще со времен медицинского училища. Её лицо было бледным, губы были искушены до крови.

— Анна, — прошептала она, запирая дверь изнутри. — Ты должна уйти. Сейчас.

— Что случилось? — мой голос сорвался.

— Капитан Волков был сегодня в архиве, — быстро заговорила она, глядя мимо меня, боясь встретиться со мной глазами. — Он требовал данные по без вести пропавшим за последние две недели. Он искал тебя. И он знает про Петю. У него есть фото мальчика, сделанные три дня назад. Он знает, что ты жива, Анна. И он знает, где тебя искать.

Значит, Дмитрий знает. Я слушала Катю, но уже представляла нашу дверь, Петю на кровати, незнакомую машину у забора. Госпитальный архив. Люди, которым я вчера отдавала ключ от шкафа с лекарствами. Кто из них сообщил ему о нас? Нужно вернуться к сыну, а выяснять имена потом.

Я схватила свою куртку, забыв про сумку, про документы. — Спасибо, — выдохнула я и выбежала из кладовой. Сердце колотилось так, что боль отдавала в висках. Я не могла оставить Петю одного. Ни на минуту. Даже с охраной Игоря. Потому что охрана тоже могла быть куплена. Или просто не успеть.

До дома добралась за двадцать минут. Ни одного звонка за дорогу не дождалась. Открыла дверь, сразу позвала Петю. Он не ответил. Захлопнула за собой и пошла в гостиную.

Игорь сидел на полу и собирал автомат. Детали были разложены возле колена, на столе — патроны и тряпка со смазкой. Я остановилась, не наступить на пружину. Если он возится с оружием сейчас, значит, ждать придется не только разговоров.

— К нам едут гости, — сказал он, даже не подняв головы. Голос был ровным, почти скучным. — Трое. На черных джипах. Уже у ворот.

Он сказал «у ворот», и я посмотрела на сумку возле стены. Нас еще можно вывезти. — Мы должны уйти! — закричала я, метаясь по комнате. — Прямо сейчас! В лес! Я знаю тропу, я видела карту!

Потянулась за сумкой, но Игорь перехватил запястье. Я дернулась, он шагнул ближе, прижал меня к стене. Больно не было, зато взять вещи я уже не могла.

— Сядь, — приказал он. Не попросил. Приказал. — Ты не понимаешь! Они убьют нас! — я пыталась вырваться, но его сила была абсолютной. — Никуда не пойдем. Он смотрел на меня, пока я пробовала высвободить запястье. — Они найдут нас везде. А если мы убежим, они скажут, что мы похитители. Что я забрал жену офицера. Тебя посадят. Петю отправят в детский дом. А меня объявят дезертиром.

Он отпустил мою руку, и я осела на пол, тяжело дыша. — Они хотят войны, — добавил он тихо. — Я дам им войну. Но на моих условиях.

В этот момент в дверь позвонили. Звук колокольчика прозвучал как приговор.

Игорь подошел к двери, поправил футболку, сделал нейтральное лицо. Открыл.

На пороге стояли трое мужчин в дорогих пальто. Один из них, высокий, с гладко зачесанными волосами и улыбкой акулы, протянул визитку. — Добрый день, майор. Меня зовут

Сергей, я частный детектив. Капитан Волков передавал привет вашей жене. Есть ли возможность убедиться, что Анна Сергеевна чувствует себя хорошо? Нам важно знать, что с наследником всё в порядке.

Его взгляд скользнул поверх Игоря, пытаясь рассмотреть интерьер дома. Жадный, оценивающий взгляд.

Игорь не взял визитку. Он держал дверь приоткрытой ровно настолько, чтобы за его плечом нельзя было увидеть меня. — Анна занята, — произнес он холодно. — А капитану передай, что море шумит громче, чем его амбиции. И что следующий визит будет последним для твоих клиентов.

Дверь захлопнулась перед носом улыбающегося мужчины. Щелчок замка. Тишина.

Но я видела. Сквозь щель в заборе, через мутноватое стекло окна, я видела, как детектив достал телефон и сделал несколько снимков фасада дома. Документирование. Сбор доказательств. Или подготовка почвы для вторжения.

Дождалась, пока за деревьями перестал шуметь мотор, и повернулась к Игорю. — Почему ты не вызвал полицию?! — я орала на Игоря, топая ногами. — Почему мы сидим здесь, как мишени?! Ты хоть понимаешь, что они могут вернуться с оружием?!

Он подошел, пока я еще кричала. Близко — мне пришлось поднять голову. На футболке пахло табаком. Я хотела толкнуть его, уйти к сыну, но стояла. От близости становилось теплее, и это злило: я ведь пришла с ним спорить.

Положил ладони мне на щеки. Я сначала потянула голову в сторону, потом посмотрела на него: только пусть перестанет говорить приказами. — Полиция здесь куплена, — произнес он низким, грудным голосом. — Если мы уйдем сейчас, они убьют Петю в дороге. Или заявят, что ты похитительница. Мы ждем. Пока они не сделают первый шаг.

— Какой первый шаг? — всхлипнула я, чувствуя, как слезы текут по его пальцам.

— Шаг, который нельзя объяснить законом. Шаг, который отправит Дмитрия за решетку навсегда.

Он собирался ждать преступления. Со мной и Петей в этом доме. Смотрела на него, на большие пальцы возле моих скул, и хотела спросить: а если он не успеет? Если первый шаг Дмитрия окажется последним для сына? Сказать не смогла. От этой мысли сводило живот, и я оттолкнула его руки от лица.

Ночью лежала возле Пети. Он спал, я то накрывала его, то снова раскрывала проверить, не вспотел ли. В трубах выл ветер; я ждала паузы, чтобы услышать двор. Спать после этого разговора не получалось.

Игорь стоял в дверях спальни. В руке он держал телефон. Экран светился в темноте, освещая его угловатое лицо жестким синим светом.

Я посмотрела на экран. Сообщение от неизвестного номера, но я знала, кто это.

«Я знаю, где вы. Сдавайся, или я сожгу этот дом вместе с ним».

Я подняла глаза на Игоря. Он не выглядел испуганным. Он выглядел голодным.

Глава 6

В подвале Игорь дал мне шерстяные перчатки. Пальцы на них были протерты — он сказал, для работы удобнее. Из-под стола выкатил ящик. Ампулы без этикеток, старая марля, на скальпелях ржавчина. Я не притронулась. Сначала придется выбрать то, чем вообще можно пользоваться. — Нужны руки, которые не дрожат, — сказал он. — Сможешь? — Стерильное найду — смогу. Он посмотрел на ящик и не стал возражать.

Петя сидел у стены в пальто. Не просил снять, хотя расстегнуть пуговицы давно умел. Смотрел на меня, хныкал. Я хотела подойти, но раненый боец уже стоял возле стола. Прижимал повязку к боку; под пальцами выступала кровь. — Подожди, сынок. Сейчас помогу и подойду к тебе. Отвернувшись к бойцу, осторожно сняла край повязки. Пальцы еще плохо слушались после улицы. Когда взяла иглу, Петя всхлипнул. Я чуть не повернулась вместе с рукой. Положила инструмент, прежде чем идти к нему. На секунду отложила бинт и обняла его свободной рукой. Он ткнулся мокрым лицом мне в шею. — Тише, сынок, — прошептала я ему в ухо, прежде чем вернуться к перевязке. Голос звучал чуждо, сухо. — Мы здесь чужие. Если зашумишь — нас выгонят. А на улице минус двадцать.

Боец зашипел, когда я убирала старую ткань. Подождала, пока перестанет дергаться, закончила перевязку. Держится. Спина ныла, зато можно было выпрямиться. Игорь стоял возле лестницы. Смотрел то на меня, то на сына — я уже сама следила, не начинает ли Петя плакать опять. На дне ящика лежала ампула с буквой «Д». Я наклонила ее к лампе. Такую Дмитрий доставал из домашней аптечки, когда объявил, что у меня был выкидыш. Никакой беременности не было, но он уверял, что мне нужно успокоиться. После его укола я уже не могла спорить. Помнила и эту букву, и прозрачную жидкость. Мне хватило буквы на стекле, чтобы вспомнить тот укол. Рукав сползал с плеча, Дмитрий держал запястье и говорил: «Для нервов». Сейчас я стояла в подвале, возле меня был другой мужчина, но я все еще чувствовала его пальцы. Сглотнула. Даже слюна казалась горькой. Он называл это «заботой». Называл «успокоительным для нервов». Поднялась с ампулой в руке. Стекло ударилось о бетон и брызнуло осколками. Петя притих. Я сразу пожалела, что сделала это при нем, но подбирать ампулу уже было незачем. На бетоне осталось мокрое пятно. Осколки были видны даже в этом тусклом свете. Игорь подошел и остановился прямо перед ящиком. Я закрыла ему проход. Слышала, как он вдохнул, готовясь говорить, и сжала кулаки. Не хотела, чтобы он увидел, как у меня дрожат пальцы. — Ты хочешь убить меня или себя? — спросил он тихо. Я посмотрела на осколки, потом обратно на него. Игорь стоял слишком близко. Захотелось отступить, но за спиной был ящик, возле стены — сын. Заставила себя остаться на месте. Пусть спрашивает. Оказывается, можно смотреть мужчине в лицо и не подбирать заранее извинение. — Я хочу жить, — ответила я, и мой голос не дрогнул. — И я знаю, как ты это делаешь. Через кровь и холод. Он усмехнулся. Я еще ждала, что выгонит из подвала, но он полез в карман. Он вынул связку ключей и бросил мне. Поймала, хотя пальцы еще дрожали. Теперь он разрешал брать лекарства, за которые я отвечала сама. Я зажала самый большой ключ в ладони и стала слушать внимательнее. — Аптечка гарнизона открыта для тех, кто умеет считать дозы. Не ошибись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.